

Призвание историка

Проблемы
духовной и политической
истории России
Сборник статей

Призвание историка

Проблемы
духовной и политической
истории России

Сборник статей

К 60-летию
профессора В.В.Шелохаева

Москва
РОССПЭН
2001

И.С.Розенталь

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ (К оценке российской модернизации)

Можно ли считать совокупность суждений современников о событиях и явлениях, свидетелями которых они были, полноценной «первой главой» историографии? Или это как бы введение к ней, предысториография? Или любое такое свидетельство — исторический источник и только, каким бы ни было соотношение фактологии и интерпретации, уровень осмысления фактов, степень влияния содержащихся в источнике обобщений на профессиональных историков? Универсальный ответ на все эти вопросы вряд ли возможен. Поэтому ограничимся далее особенностями отражения — первичного и мемуарного — одного лишь исторического периода, в изображении которого ощутима по сей день зависимость от оценок, данных современниками.

...Социал-демократ Н.Валентинов (Н.В.Вольский) не раз мысленно возвращался к своим беседам с Г.В.Плехановым, приехавшим в августе 1917 г. в Москву для участия в Государственном совещании. Диалог между ними явился началом длительной, условно говоря, дискуссии, участники которой, либералы и меньшевики, пытались выяснить, как далеко зашло накануне Первой мировой войны и революции 1917 г. обновление России и насколько велик был нереализованный потенциал дальнейшего мирного ее развития. Значительное место в этой дискуссии отводилось Москве, концентрированно воплощавшей в себе черты старого и нового в жизни России. При этом всех участников спора объединяло признание закономерности и прогрессивности процесса европеизации.

Им самим, однако, высказанные первоначально мнения казались полярными. Точку зрения Плеханова Валентинов наиболее полно изложил в 1957 г. на страницах «Социалистического вестника». Он вспоминал, как, проезжая в сопровождении Валентинова по Москве, Плеханов «с явным оттапчиванием» смотрел на Балчуг, Ордынку и другие улицы Замоскворечья. «Все татарские названия! В Петербурге чувствуется Европа, в Москве этого духа уже нет. Не нравится мне ваша так называемая "белокаменная" Москва. Вот едем, и я все ожидаю, что из какого-нибудь переулка появится бородатый Хомяков, в татарской мурмолке Аксаков или какой-нибудь темный персонаж Островского. От того времени не

ушли далеко. Но если Москва — "сердце России" — так неказиста и убога, что тогда можно ждать от провинции!»

Плеханов остался непреклонен и после того, как возразивший ему — «в мягкой форме» — Валентинов рассказал об «огромных изменениях» в России после 1905 г., в чем он убедился во время своих многочисленных поездок по стране в качестве корреспондента газеты «Русское слово». На это Плеханов отвечал: «Не переоценивайте существующего, не увлекайтесь тем, что достигнуто. Все это нужно рассматривать под микроскопом... То, что видели вы, — есть, как говорил Тургенев, лишь первое лепетанье спросонья»¹.

Валентинову казалось, что все дело в недостаточном знании Плехановым России из-за долгого пребывания за границей, — случай не единичный, когда сдержанность в оценках воспринималась именно таким образом. Почти так же выглядел диалог приехавшего в мае 1904 г. в Париж из Москвы адвоката О.Б.Гольдовского («Вы не узнаете теперь Россию... Это другая страна, другой народ», — восклицал он) с еще одним вынужденным заграничным долгожителем М.М.Ковалевским, который считал преждевременным введение «в безграмотной, дикой, разноплеменной стране» всеобщего избирательного права. Выслушав Гольдовского, Ковалевский устал на него в упор своими насмешливыми глазами и, пожимая плечами, сказал: «Вам и книги в руки. Очень может быть, что мы тут отстали и поглупели. Только простите, О.Б., народы и страны так быстро не меняются. Вчера еще он пригоршнями в голове "живой продукт" ловил, а сегодня — пожалуйста "владеть нами". Ведь это только в сказках Иванушка-дурачок голыми руками Жар-птицу хватает...»²

Одни и те же события 1905 г. воспринимали уже неодинаково деятели, не покидавшие Россию, и каждый, основываясь на непосредственно наблюдаемом, по-своему умозаключал, изменилась ли коренным образом Россия. Такова была реакция двух москвичей-либералов на массовую демонстрацию во время похорон Н.Э.Баумана. Вид толпы под красными флагами произвел «жуткое впечатление» на В.А.Маклакова, тогда как находившегося рядом Ф.Ф.Кокошкина это зрелище привело в восторг: «Москва переродилась, она не то, чем была раньше. Я больше не верю в ее черносотенство»³.

Накануне первой революции Ковалевский был озабочен опасностью «такой пугачевщины и поножовщины, что мы взоем по самодержавию». Политически Плеханов не был его единомышленником. Но источник скепсиса Плеханова — общий его взгляд на историю России, определявший в немалой степени позицию Плеханова-политика, — был близок

взглядам Ковалевского. Согласно концепции Плеханова, своеобразие пройденного Россией исторического пути состояло в борьбе европейских и азиатских начал с неизменным преобладанием «азиатчины». Если европеизация России, писал он в «Истории русской общественной мысли», привела к первой революции, то ее «неудача» «была причинена тем, что процесс европеизации переработал далеко не всю Россию»⁴. После же падения монархии тезис о России, остающейся «полуазией», вошел в арсенал плехановских аргументов против «брёда» большевиков — их призывов к социалистической революции.

В 1917 г. либералы приветствовали антибольшевизм и оборончество Плеханова, сожалея лишь, что «воистину патристические» его мысли не разделяются большинством русских социалистов. Но к исходной его позиции они отнеслись критически. Написавший в 1915 г. рецензию на труд Плеханова историк и член кадетского ЦК А.А.Кизеветтер счел его взгляд на российскую историю упрощенным, абсолютизирующим ее своеобразие, и объяснял это, подобно Валентинову, недостаточным знанием фактического материала: «Россия есть в гораздо большей мере "запаздывающая Европа", нежели "европеизирующаяся Азия"»; «где Плеханов иногда видит в России "Азию", там перед нами порою на самом деле не что иное, как запоздалое повторение европейских задов...»⁵

В другом месте Кизеветтер подчеркивал, что мнение, будто России предстоит «поработить мир какими-то волшебными, то есть никогда не виданными превращениями обычного хода исторической эволюции, что у нее есть "своя особенная статья", которую невозможно измерить аршином сравнительно-исторического изучения, — эти старые сказки утратили силу своего обаяния»⁶. Оспаривая идеи славянофилов и народников, Кизеветтер не подозревал, что тем же — возможностью «видоизменений обычного исторического порядка» — будет объяснять Октябрьскую революцию Ленин.

Что касается облика Москвы, то по поводу мимолетных наблюдений Плеханова ему могли бы возразить старожилы «первопрестольной» и москвичи помоложе, на глазах которых происходил преобразивший ее экономический подъем, вылившийся в «строительную горячку». Они дружно свидетельствовали, что Москва в короткий срок изменилась «громоздко», «до неузнаваемости». Не было поэтическим преувеличением и мнение Валерия Брюсова, полагавшего, что в Москве «изменилось все», что — вопреки Плеханову — больше нет того города, «где героев Островский выбирал». В том же Замоскворечье еще одному либеральному деятелю тех

лет Н.В.Давыдову «разве две—три улицы» напоминали «несколько общий внешний вид старой Москвы» его детства, 60-е гг. XIX века⁷.

В связи с наступлением нового столетия, так же, как и сейчас, не было недостатка в прогнозах — оптимистических и пессимистических, предсказывавших как эволюционный прогресс, так и близкую революцию⁸. События 1917 г., а затем Гражданской войны умерили былой оптимизм в отношении прошлого и будущего России. У Кизеветтера это проявилось в том, как он растерянно объяснял победу большевиков «роковым сцеплением преходящих исторических условий»⁹. Другой московский историк Ю.В.Готье пришел к заключению даже более мрачному, чем вывод Плеханова. 9 августа 1917 г. (то есть незадолго до приезда Плеханова в Москву) он записал в дневнике, суммируя свои наблюдения за происходящим: «Очевидно, что успехи России за 70 лет в отношении цивилизации, управления государством, социальных отношений — более чем призрачны»¹⁰. Характер оценок, таким образом, не всегда зависел напрямую от политической ориентации и партийной принадлежности: и Валентинов и Плеханов были «неправоверными» меньшевиками, Ковалевский и Гольдовский, Кизеветтер и Готье — либералами; последний, впрочем, еще в 1906 г. вышел из кадетской партии.

Дискуссия получила продолжение в русском зарубежье. Но среди эмигрантов уже не нашлось прямых последователей «пессимистов» Ковалевского, Плеханова и Готье. Эмигрантам, потрясенным всем, что произошло в 1917 г. и позже, психологически необходим был такой образ прошлого России, который обещал иной вариант развития событий; и если человеческая память всегда отбирает воспоминания «приятные и нужные», то тем более склонна была к этому память изгнанников. Эмигранты-историки не составляли исключения¹¹.

Не пытаясь исчерпать все, что было написано на эту тему, обратим внимание на один из заключительных моментов дискуссии заключительных в том смысле, что в ней еще участвовали современники, эмигранты первой волны. В конце 50-х — начале 60-х годов дискуссия претерпела некоторое видоизменение в связи с вопросами, которые поставил перед последними меньшевиками, доживавшими свой век в США, Л.Хаймсон — руководитель инициированного ими проекта по истории меньшевизма. Те, к кому он обратился, выступали в роли мемуаристов, одновременно обсуждая поставленные вопросы между собой.

Спустя 40 с лишним лет после памятной встречи с Плехановым Валентинов подтвердил свою оценку предвоенного периода: «...Никакой революцией тогда не пахло». О том, что Россия «стала на путь новой революции» и «идет, так сказать, к новому 1905 году», «болтали» тогда одни большевики и то не все, а он, Валентинов, «нигде, буквально нигде, этой "новой" революции не видел и не чувствовал». Были «волны стачек» — главным образом в Петербурге и Московском текстильном районе, «было политическое оживление, но это не означало "кануна"». Снова подчеркнув в письме к Л.О.Дан свое преимущество перед другими участниками «предприятия Хаймсона» тот факт, что с 1908 по 1915 г. он «исколесил громадную часть России, видел огромное экономическое оживление, ознакомился с аграрной столыпинской программой, говорил с крестьянами, встречался со множеством людей Питера и Москвы», — Валентинов выразил намерение описать все тогда увиденное «в живых мемуарных очерках»¹². Однако выполнить это намерение он не успел.

Л.О.Дан полностью согласилась с Валентиновым: «Нет, атмосферы "кануна" не было!» «...Ни о каком ожидании второй или вообще революции не было ни речи, ни мысли... Сколько помнится, было очень сильно — у разных лиц и в разной степени — предположение, что Россия вступает в какой-то новый период нового "органического" развития — не революционного, но, несомненно, поступательного, прогрессивного и что-то обещающего. В здоровом развитии производительных сил — уверены, сомневались в оценке "надстройки" (в смысле "субъективного фактора" (буржуазия или пролетариат)»¹³.

Пространство и время, отделившие эмигрантов от предмета дискуссии, положение вынужденно «посторонних» общали им подчас особую остроту исторического зрения, но нередко порождали аберрацию ностальгического свойства. Налицо было, кроме того, неприятие пропагандируемой в СССР идеи предопределенности Октябрьской революции и режима, установленного большевиками. Поэтому из-за границы Н.И.Астрову (в прошлом лидеру московских кадетов) вся пореформенная эпоха представлялась «во многих отношениях интересной, а иногда блестящей»; «особенно грандиозно было поступательное движение в развитии нашей промышленной деятельности». О развитии Москвы Астров писал, что «война и революция оборвали этот могучий ход вперед...» Выступая в центрах русской эмиграции с лекциями, Астров и Кизеветтер рассказывали преимущественно об экономике и культуре и прославляли моральный облик до-

революционной Москвы. Даже по мнению части слушателей, эти лекции представляли собой не что иное, как панегирики¹⁴.

Валентинов также обращал внимание главным образом на предвоенный экономический подъем. Правда, в статье о встречах с Плехановым он упоминал и такие относительные сдвиги, как появление «пусть плохого, слабенького, но все же парламента», «поднадзорных» свобод слова, печати, собраний, возможности образования партий и союзов¹⁵ (не вспомнив, однако, что большинство партий так и не получило до Февральской революции легальный статус, и не лучше обстояло дело с профсоюзами, малочисленными и полуполевыми).

Что же касается Л.Дан, то, говоря о надстройке, о субъективном факторе, она странным для марксиста образом вообще не нашла нужным что-то сказать о трансформации и функционировании российской политической системы. Справедливо связывая с изложенной ею оценкой положения в стране «ликвидаторство» — надежды меньшевиков на рост и воспитание элементов рабочего класса, способных участвовать «в совершенствовании и перестройке России», она не отметила, что несостоятельность этих надежд обнаружилась уже до войны.

Среди источников, привлеченных Валентиновым для укрепления своей позиции, был документ ВКП(б), в котором говорилось об отсутствии в России примерно с 1908 по 1915 г. «непосредственной революционной ситуации» при сохранении «общей революционной ситуации»¹⁶. Но о второй части этой формулы Валентинов умолчал. В целом же взгляд последних меньшевиков на предвоенную Россию почти не отличался от того, как она виделась эмигрантам-либералам. Это возвращение к первоначальным оценкам, понятное в свете всего ими пережитого, не углубляло эти оценки и не было следствием освоения новых эмпирических данных.

Не столь однотонно изображали Россию накануне войны специалисты-историки из младшего поколения эмигрантов. Г.В.Вернадский полагал, что после первой революции «вся психология русского народа перестроилась с революционной на мирную», и даже у интеллигенции началось перерождение «всей былой сектантски-нетерпимой психологии... в отношении к буржуазному строю и правительству». Но он признал также рост в то время влияния большевизма на рабочих, что объяснялось, по его мнению (и это было перспективным в научном отношении), не ухудшением их материального или правового положения, а тем, что оно улучшалось недоста-

точно быстро по сравнению с ростом их образовательного уровня, самосознания, чувства собственного достоинства, тем, наконец, что политически они оставались в «черном теле», и это не давало легального выхода недовольству¹⁷.

С обоснованием научной правомерности изучения альтернативных вариантов развития России выступил, комментируя воспоминания Ф.А.Степуна, историк М.М.Карпович: размышления типа «что было бы, если бы...», утверждал он, не являются пустым и праздным вопросом, это «вполне законное гадание», совершенно необходимый в историческом познании умственный эксперимент, заменяющий историку эксперимент лабораторный. Если не стоять на позиции абсолютного детерминизма, то нельзя не задаться вопросом, могла ли Россия избежать революции, не случись Первой мировой войны.

В книге Степуна Карпович находил два ряда фактов и выводов, позволяющих рассуждать гипотетически. С одной стороны, перед войной происходил, по словам Степуна, «оздоровительный процесс», наблюдался «бурный рост общественных сил», «пробужденная в 1905 г. революционная энергия начала... быстро сливаться с созидательным процессом жизни», с другой — «уже задолго до войны все политически сознательные люди жили как на вулкане», «ясно обозначился неминуемый срыв в пропасть», отворотить который можно было «только радикальными и стремительными мерами». Но, заключал Карпович, Степун не сумел определить удельный вес положительных и отрицательных факторов, свести их в какой-то баланс, силу первых он недооценил, а последних переоценил. Неспособность Степуна к научному анализу Карпович усматривал в таких импрессионистских оценках — от частных впечатлений к обобщению — как «злая осень» в политике (не такая уж злая, полагал рецензент) или «трупный запах заживо разлагавшейся власти»¹⁸.

Особое место в «дискуссии» заняла вышедшая раньше, незадолго до Второй мировой войны, книга воспоминаний В.А.Маклакова, названием и содержанием которой автор хотел подчеркнуть — вполне оправданно — значение в истории России проблемы взаимоотношений государства и общества (правда, ограничивая общество «общественностью», «образованным меньшинством»). Книга Маклакова, несомненно, была знакома тем участникам дискуссии, чьи мнения конца 50-х — начала 60-х гг. приводились выше. Но если последние акцентировали внимание на предвоенной экономике, то для Маклакова приоритетной была политика.

«Основные законы» 1906 г. он считал конституцией, поскольку в определении власти монарха теперь отсутствовало слово «неограниченный» и, следовательно, самодержавия в России уже не было (в истории России, писал он, конституция 1906 г. — короткий просвет «меж двух реакционных идеологий — самодержавия и большевизма»). Конституция «начала воспитывать — увы, слишком недолгое время — и нашу власть, и наше общество; она внедрила в русскую жизнь идею законности и подзаконности власти». Как и Валентинов, Маклаков утверждал, что не изменил своей позиции: и до войны он говорил и писал, что общество несправедливо относится к «конституции», что Основные законы не так плохи, они позволяют многого добиться¹⁹. Впрочем особые взгляды Маклакова вписывались в общее для всех российских либералов признание решающей роли государства.

Логика Маклакова (и целиком с ним солидарного Карповича), безупречная юридически, отметала факты, из которых рядовые наблюдатели политической повседневности, испытывавшие ее и на себе, делали противоположный вывод: «Никакой конституции у нас нет». Этот вывод выражал отношение не столько к Основным законам, сколько к действиям властей на всех уровнях. В одной только частной переписке, судя по материалам полицейской перлюстрации, приводилось множество примеров произвола и беззакония, вызывавших негодование у авторов писем, в том числе людей лично благополучных и не принадлежавших к числу противников монархии. По их мнению, носители власти, особенно генерал-губернаторы, «убивали чувство законности»²⁰.

Просеивание фактов — вольное или невольное, отчасти неизбежная ограниченность поля наблюдения, наконец, тот импрессионизм, который Карпович находил у одного лишь Степуна, — все это влияло на выводы всех эмигрантов-мемуаристов. Правда, Маклаков пытался избежать категоричности. Оценивая ретроспективно 1907—1914 гг. как время «выздоровления», несмотря на все «ошибки верхов», он признавал, что «с нормальной конституцией уже, к сожалению, было опоздано». Этот тезис вступал в противоречие с генеральной идеей Маклакова. Противоречило ей и осуждение «мистической веры» русских либералов в конституцию «как панацею»²¹.

Доказывая, что в межреволюционный период менялась вместе с обществом власть, Маклаков ссылаясь на появление «бюрократов новой формации, понявших пользу сотрудничества с Государственной думой»²². Недавно опубликованы воспоминания В.Ф.Джунковского, московского губерна-

тора в 1905—1913 гг., для которого отношения с обществом были предметом служебной деятельности. Если власть действительно «воспитывалась конституцией», то этот процесс должен был в воспоминаниях как-то отразиться. При этом столь же важно, как и в других случаях, выяснить направленность отбора мемуаристом фактов, мотивы их включения или невключения в том или ином виде в текст (Джунковский не эмигрировал и даже надеялся увидеть воспоминания напечатанными в СССР, но писал их, не приспособиваясь к новой жизни и власти, «ни к кому не подъеживаясь», по словам В.Д.Бонч-Бруевича, или что то же — не желая «смотреть на вещи другими глазами», как выразился он сам)²³.

Работая в 20-х годах над воспоминаниями, Джунковский опирался на материалы личного архива, но заслуживает внимания и неиспользованная его часть, в том числе обращенные к губернатору анонимные письма. Вступив в должность, Джунковский объявил, что читать такие письма не намерен, и они будут уничтожаться²⁴, но сохранение нескольких из них говорит о том, что они были прочитаны. Все они датированы 1906 годом, то есть началом губернаторства Джунковского. Установить, кто авторы писем, не представляется возможным, не всегда можно с точностью судить и об их социальном положении. Объединяет письма то, что они, во-первых, не являются жалобами или ходатайствами и, во-вторых, их авторы так или иначе выражали отношение к верховной и местной власти. Перед нами, таким образом, осколки еще одного пласта свидетельств современников, на этот раз — выразителей массовых умонастроений.

Одно из писем Джунковский не мог не прочитать уже потому, что его переслали из Петербурга; оно было адресовано дворцовому коменданту В.А.Дедюлину и представляло собой донос на губернатора, сочиненный, как гласила подпись, «стариками-фабрикантами». Используя традиционную в России форму, авторы по-своему реагировали на угрозу привычному укладу жизни. Отталкиваясь от реального факта — участия Джунковского в освобождении политических заключенных из московских тюрем после Манифеста 17 октября, они подозревали губернатора — «хозяина над тюрьмами» — в стремлении и впредь освобождать «людей, у которых нет ничего святого». Джунковскому приписывалась также интрига против Дедюлина, чтобы занять его место (но «не может быть хранителем у Помазанника Божиего человек, который в 1905 г. ходил под красным флагом по Москве с революционерами»). Наконец, губернатор якобы посягнул на заведенный «исстари», «при других губернаторах» порядок дачи взя-

ток — исправникам и полицейским надзирателям два раза в год, — требуя будто бы еще платить и ему лично, о чем «понятия никогда не имели»²⁵.

По всей вероятности, «старики-фабриканты» принадлежали или примыкали к правомонархическим организациям; отношения между правыми и Джунковским и дальше оставались неприязненными, а эпизод 1905 г. эксплуатировался ими даже после его отставки²⁶. Но еще два письма иной, революционной, направленности тем не менее имели определенное сходство с письмом, адресованным Дедюлину. Поводом для их написания явилось обращение Джунковского к народу в связи с Выборгским воззванием; авторы писем не соглашались с тем, что депутаты I Государственной думы — «враги отечества нашего», и обрушивались на бюрократию в лице Джунковского: «Вы все потеряли веру в народе. Нет, нет, вам никто более не поверит. Вы все ради своих насиженных мест и наград окружили Государя и не даете ему сблизиться с народом... Вы все... плохие посредники между народом и царем. Царя вы ради 20 числа также обманываете»²⁷ (20-е число день выдачи жалованья чиновникам. — И.Р.).

Автор второго, еще более резкого письма развивал ту же мысль: «Мы все приходим на помощь нашему великому Государю, но вы все, негодяи, не лицемерьте пред его священным лицом, вы-то и есть грабители и иуды, чуете над своей башкой гибель и будто охраняете его, но, оказывается, что свою шкуру бережете, но как вы ни старайтесь, но скоро и вас сотрут с земли. Довольно блаженствовать и нашу кровь пить, вы живете нашими грошами, а мы, сукиных детей, вас содержим, царь с нас берет и вас, болванов, кормит... Мы все идем за правду»²⁸.

Итак, в сознании значительной, как можно думать, части социальных низов, не исключая рабочих, создание Государственной думы — то, что трактовалось либеральной интеллигенцией как вступление России на путь конституционализма, — совмещалось и с монархическим принципом в традиционном народном понимании (монарх — высший носитель «правды»), и с революцией, в которой народ, «помогая царю», выступает «за правду» против «плохих посредников» — чуждых народу высших чиновников. Надежды на Думу в таком смысловом контексте не тождественны «конституционным иллюзиям» и вообще далеки от либерализма. Такого рода представления о власти объяснимы уже тем, что население Москвы, как и других крупных городов, непрерывно пополнялось выходцами из деревни. В 1912 г. москвичи, родившиеся вне Москвы, составляли 2/3 всех ее жителей, она пре-

вратилась, по словам кадета Н.Н.Щепкина (одно время товарища московского городского головы) в «скопище провинциалов из тянущихся к Москве губерний»²⁹.

Налицо, кроме того, определенное совпадение двух полюсов общественных настроений — революционного и черносотенного, поскольку идеология правых также имела антибюрократическую составляющую. Враждебное отношение к бюрократии (то есть к реальным агентам власти, фактически к власти как таковой) присутствовало в сознании пестрой массы рядовых членов черносотенных организаций в обращенной к ним пропаганде и даже в тех выводах и прогнозах, какие можно было услышать в кругу избранных, принадлежавших к верхнему слою правых. Выступая на IV съезде объединенного дворянства в 1908 г., Н.Е.Марков уверял, что возможна ситуация, когда «начальники губерний, все эти представители правительства», получают телеграмму министра внутренних дел, извещающую, что «отныне монарха нет, а есть республика», и тут же «переменяют направление»³⁰.

Революционно-антимонархический характер носило только одно письмо, оно обвиняло самого царя в устранении членов Думы, избранных «Богом и народом». На этот раз монарх не отделялся от бюрократии и именовался «царем мошенников, а не правды и людей». «Возмездие идет», пророчествовал аноним, ссылаясь на Апокалипсис, «слуги диавола... получают вечную гибель, вся свита и голова будут повергнуты в прах». К «свите» было отнесено и высшее духовенство: «Передай... митрополиту дурацкому, что он не стоит настоящего своего призвания и не может разуместь священное писание»³¹.

Показательно, наконец, то, чего в письмах нет: перед их авторами не возникал вопрос о законности или незаконности роспуска I Думы, с одной стороны, и призыва выборщиков к неповиновению правительству, с другой, — свидетельство отсутствия или явного дефицита правосознания. Появилось ли оно после первой революции? «Оптимисты» и «пессимисты» на сей счет были и среди бюрократов. Пример «пессимизма» — записанные в 1909 г. М.М.Пришвиным слова неназванного «высокого чиновника»: в России, говорил он, нет «средних людей», то есть тех, кто удовлетворен жизнью и готов «подчиниться Богу, начальству или закону»; напротив, «каждый постиг... принцип всеобщего беззакония личного и в то же время высшее право личности». Именно в этой коллизии чиновник видел главный источник неизменного недоверия к носителям власти³².

По всей вероятности, Джунковский отказался от включения процитированных выше анонимных писем в воспомина-

ния, так как при равно отрицательном отношении к левому и правому радикализму ошибочно связывал выраженное в них настроение только с внешним воздействием, с пропагандой. Устойчивой основы такого настроения он не улавливал. Ежегодные всеподданейшие отчеты губернатора, частично использованные в воспоминаниях, изображали динамику народных настроений в радужных тонах.

В отчете за 1907 г. Джунковский сообщал, что «настроение большинства обывателей, убедившихся в бесплодности и гибельности бессмысленных посягательств на исконные начала государственности, явно склонилось в сторону порядка...». В отчете за 1910 г. говорилось о «наступлении стольжданного успокоения народного сознания, готового ныне спокойно воспринять все блага обновленного строя, без тревожений и несбыточных надежд». В отчете за 1911 г. о городах Московской губернии было сказано, что это консервативная среда, не проявляющая духа оппозиции и протеста, и только «наносные, пришлые элементы», главным образом земские служащие, вносят в эту среду «некоторое беспокойство и волнение»³³.

Последнее из сохранившихся в фонде Джунковского анонимных писем, судя по его содержанию, вышло из театральных или околотеатральных кругов. Автор его с возмущением писал губернатору, что тот уронил себя в глазах москвичей, когда, придя на спектакль Малого театра, приказал рабочему-осветителю провести его по подземному туннелю в Большой театр: «Вы не подумали о маленьком служащем, которого, заставив против правил Вам повиноваться, подвели под штраф. И как же Вы, будучи губернатором, не понимаете, что можно себе позволить и что нельзя! Или Вы, как "умный" человек, думаете, что Вам как губернатору все можно? Это не говорит ни о вашем такте, ни о вашем уме, — говорит о каком-то самодовольстве глупого человека, много мнящего о себе...»

Автор и этого письма завершил его обобщением, причислив Джунковского к «новым администраторам, выскочкам-недоучкам»: «Где же вам быть какими-нибудь администраторами, если вы в таких мелочах попадаетесь! Послушали бы Вы, что говорят о вас теперь все самые простые рабочие в императорских театрах!»³⁴. Между тем Джунковский не был ни глуп, ни самодоволен; письмо, несомненно, его задело и потому, что мнение окружающих было ему не безразлично, и потому, что речь шла о людях театра. Самое же главное: вопрос — что можно и что нельзя представителю власти — имел для него принципиальное значение. В дальнейшем эпизод, описанный в письме, был, видимо, забыт, судя по

тому, как относился к Джунковскому — даже в советское время — весь артистический мир Москвы.

Николай II назвал губернаторство Джунковского «примерным и блестящим», князь В.П.Мещерский восхищался тем, что при нем «был отменен старый печальный лозунг: "Народ — подальше"»³⁵. Деятельность московского губернатора, смысл которой он и сам видел в том, что бы обеспечить «единение царя и народа», отвечала их идеалу государства патерналистского типа, альтернативного навязанному первой революцией «представительству» (губернатор в необходимости Государственной думы и необратимости включения ее в российскую политическую систему не сомневался).

Принадлежал ли в таком случае Джунковский к тем бюрократам новой формации, о появлении которых как о факте обнадеживающем писал Маклаков? Видимо, Маклаков следовал представлению о бюрократии, восходящему к Гегелю: бюрократия — это необходимая обществу часть среднего сословия, средоточие высокой образованности, нравственной и умственной культуры, правового сознания. В начале XIX в. Гегель оговаривал неприменимость этой идеальной модели к крепостнической России, где нет самоуправляющихся корпораций и общин как противовеса бюрократии³⁶. Этот элемент правового государства отсутствовал и в России начала XX в., и Джунковский представитель «властной вертикали», чтобы укрепить обновленную монархию и быть «хорошим посредником» между царем и народом, пытался восполнить пробел связями с московской общественностью, уважение которой он действительно снискал (в воспоминаниях приводятся многочисленные примеры признательности губернатору, которых в реальности было еще больше). Разумеется, ни под каким контролем со стороны выборных органов он при этом не находился.

Но все современники, отдавая должное Джунковскому как деятелю, заслужившему широкие симпатии своей порядочностью, корректностью и уважительным отношением к закону, признавали его редким исключением среди администраторов такого ранга. Один из случайных знакомых Джунковского (никак с ним служебно не связанных) писал ему в связи с переводом Джунковского на новую должность в столицу: «Недаром матушка Москва так провожает Вас, ибо чувствует, что не будет у нее другого такого гуманного губернатора»³⁷.

Противоположностью Джунковскому был один из охарактеризованных на страницах его воспоминаний знаменитых сатрапов того времени градоначальник Ялты генерал Думбадзе: «Администратор, конечно, он был плохой, зако-

нов никаких не знал и руководствовался исключительно своей совестью, действуя по логике своего разума, всегда с исключительной непосредственностью» (наряду с тем, что он «был человеком, преданным Государю, ревностным служаккой» и т.п.)³⁸. Характеристика, напоминающая — что вряд ли случайно для поклонника Малого театра, каким был Джунковский, — слова городничего Градобоева из пьесы Островского «Горячее сердце», обращенные к собравшимся обывателям: «...Судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне Бог на душу положит?»

Если же говорить об администраторах более распространенного типа, то авторитетно мнение генерала А.И.Деникина: бывшие губернаторы, которых в годы Гражданской войны он назначал на те же должности, сохранили прежнее мировоззрение, психологию, навыки и привычки; «для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах, и в духе» (имелось в виду дофевральское прошлое). Так думали в тот период и такие внимательные наблюдатели, как В.И.Вернадский и В.А.Маклаков — в отличие от того, что он написал во «Власти и общественности»³⁹.

...Показания свидетелей — основа «суда истории», который, однако, никогда не выносит окончательный приговор. Не претендуя на полноту характеристики всей последующей историографии, напомним лишь, что мемуаристика русских эмигрантов оказала сильное влияние на американских исследователей истории России XIX—XX веков. То, что мемуаристы обозначали понятием «выздоровление», у историков превратилось в «стабилизацию». Но иные высказывания эмигрантов дали импульс к самостоятельному поиску за пределами основного русла их идей. Так, Л.Хаймсон не принял их уверения о бескризисности предвоенной ситуации и занялся исследованием глубинных причин нестабильности российского общества. Рассуждения (согласно рекомендациям Карповича) насчет того, произошла бы в 1917 г. революция, если бы не война, или нет, он счел бессмысленными и чуждыми задачам историка, поскольку ни то, ни другое невозможно подтвердить историческими источниками⁴⁰.

Зеркалом российской исторической мысли наших дней можно считать учебники. Из учебной литературы, издающейся в постсоветской России, исчезло, например, понятие «новый революционный подъем». Но точка зрения В.А.Маклакова воспроизводится иногда почти буквально и без оговорок (хотя бы тех, что делал он сам): «Принципы права все более внедрялись в жизнь общества», «правительство встало на путь демократического обновления страны», оно «откры-

ло простор для деятельности созидательных общественных сил»⁴¹. Историки, менее поддающиеся магии источника, пишут, что «самодержавие осталось», и Манифест 17 октября «конституцией не был»⁴². Средняя линия возвращает нас к ленинской формулировке, но подправленной в сторону приближения к маклаковской: был сделан «огромный шаг вперед в деле превращения монархии самодержавной в монархию конституционную»⁴³.

Недавнее обсуждение книги Б.Н.Миронова «Социальная история России периода империи» показало, что дискуссия вращается вокруг идей и вопросов, выдвинутых в начале XX в.⁴⁴ Разумеется, постановка их объемнее и глубже между прочим и потому, что заполнены зарубежными и отечественными историками многие лакуны, оставленные современниками. При большей или меньшей степени согласия в том, что Россия была «запаздывающей Европой», нельзя уйти от вопроса, являлась ли уже российская специфика «уходящей натурой» и если да, то в какой мере она «ушла» из сознания, помыслов, поступков действующих лиц истории? Как проявила себя она в 1917 г. и после 1917 г.? Как представляли себя и окружающий мир разные группы российского общества? В частности, нуждается в специальном исследовании феномен массового монархизма, его видоизменение, его роль — имея в виду, как напомнили в ходе обсуждения, и возрождение монархизма в советских условиях.

Формула, которую предложил Б.Н.Миронов, — после Манифеста 17 октября Россия стала конституционной монархией, но еще не правовым государством — не охватывает всей сложности отношений власти и общества накануне «срыва в пропасть», в том числе их сосуществования и взаимодействия, которым раньше уделялось недостаточное внимание. И безусловно недоказуема роль правительства как лидера модернизации в последние годы существования монархии. Так что дело не в неизжитой привычке российских историков выискивать везде революционизм, не проявляя интереса к опыту эволюционного развития, а в том, что эволюция 1907—1914 гг. и революция 1917 г. не могут рассматриваться как изолированные друг от друга процессы.

Примечания

¹ Юрьевский Е. Мысли о Г.В.Плеханове // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1957. № 4. С. 66. См. также: Валентинов Н.В. Трагедия Плеханова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. Т. 20. С. 288—289; Он же. Наследники Ленина. М., 1991. С. 188—190, 194.

- ² Хин-Гольдовская Р.М. Очарование старых дневников. 1902—1905 // Грани. 1995. № 177. С. 195—196.
- ³ М.М.Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. С. 74.
- ⁴ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 114.
- ⁵ Кизеветтер А.А. Новый труд Г.В.Плеханова по русской истории // Голос минувшего. 1916. № 1. С. 334. См. подробнее: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 271—279.
- ⁶ Утро России. 1912. 1 января.
- ⁷ Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века. М., 1964. С. 9; По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1917. С. 48; Брюсов В. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1955. С. 581, 165.
- ⁸ См. подробнее: Розенталь И.С. Старые прогнозы // Россия XXI. 1998. № 3—4. С. 178—191.
- ⁹ «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное». Переписка В.А.Маклакова и А.А.Кизеветтера // Источник. 1996. № 2. С. 9, 16.
- ¹⁰ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 162.
- ¹¹ См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994. С. 198—208.
- ¹² Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С. 162—163, 168.
- ¹³ Там же. С. 169—170.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 620. Л. 2; Д. 2а. Л. 25; Лосский Б. В русской Праге (1922—1927) // Минувшее. Вып. 16. М.; СПб., 1994. С. 67.
- ¹⁵ Юрьевский Е. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁶ Из архива Л.О.Дан. С. 162—163. В СССР акцент на второй части этого рассуждения впервые сделал А.Я.Аврех. Осторожно пытаюсь преодолеть тот же принудительный стереотип советской историографии в изображении предвоенного периода («новый революционный подъем»), он использовал цитату из партийного документа в качестве своего рода защитного щита. См.: Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С.15.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 202. Л. 6, 14—17.
- ¹⁸ Карпович М. Комментарии. О воспоминаниях Ф.А.Степуна // Новый журнал. 1956. Т. 46. С. 226—230.
- ¹⁹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 559, 563.
- ²⁰ Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. 1928. № 2. С. 139—149.
- ²¹ Соблазнитель генералов (Переписка В.А.Маклакова и И.И.Тхоржевского) // Родина. 1997. № 12. С. 60.
- ²² Маклаков В.А. Указ. соч. С. 601.
- ²³ Розенталь И.С. Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. № 1. С. 102, 103.

- 24 Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 289—290; Т. 2. С. 157.
- 25 ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 202.
- 26 Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 273, 313, 343; Розенталь И.С. Указ. соч. С. 98—99.
- 27 ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
- 28 Там же. Л. 6.
- 29 Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. М., 1994. Т. 1. С. 94.
- 30 Цит. по: Дякин В.С. Столыпин и дворянство (провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 151.
- 31 ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 121. Л. 7 и об.
- 32 Пришвин М.М. Дневники. М., 1990. С. 41.
- 33 ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 107. Л. 15, 74, 125.
- 34 Там же. Д. 121. Л. 2.
- 35 Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 114, 120.
- 36 См.: Кантор В. «...Есть европейская держава». Россия — трудный путь к цивилизации. М., 1997. С. 192—193.
- 37 ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 585. Л. 2об.; Утро России. 1913. 1 февраля.
- 38 Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 225.
- 39 Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 81. См. также: Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 277—278; «Окунуться в Россию»: переписка В.А.Маклакова с Б.А.Бахметевым // Отечественная история. 1996. № 2. С. 149—150, 153—154 и др.
- 40 См.: Хаймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. № 9—10. С. 137—138.
- 41 Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. М., 1998. С. 129—130; Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. М., 1999.
- 42 Пашков Б.Г. История России. XX век. М., 2000. С. 53; Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. М., 2001. С. 41.
- 43 Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. М., 2001. С. 58.
- 44 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999; Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43—93; Миронов Б.Н. К истине ведет много путей // Там же. 2001. № 2. С. 106—116.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
С.В.Тютюкин Накануне столетия первой революции в России (историографические заметки)	7
И.С.Розенталь Глазами современников (К оценке российской модернизации)	22
О.В.Волобуев, С.В.Кулешов Русский вопрос в имперском и постимперском контурах	39
М.П.Мchedлов О современной православной социальной доктрине (К принятию «Основ социальной концепции РПЦ»)	63
В.П.Желтова Правовое положение евреев в Российской империи (конец XVIII — начало XX в.)	75
А.И.Нарежный Эволюция конституционных воззрений Б.Н.Чичерина	98
С.В.Шелохаев Общественно-политические взгляды Д.Н.Шипова	120
Н.Б.Хайлова Русский экономист А.С.Посников: мыслитель и борец	133
П.Н.Зырянов Бросок на остров Беннетта (Спасательная экспедиция лейтенанта А.В.Колчака в 1903—1904 гг.)	154
Н.А.Иванова Дворянская корпоративная организация в российском законодательстве конца XVIII — начала XX в.	176
А.В.Репников Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX века	202
А.Л.Стародубова Особенности нового либерализма в России в начале XX в.; от теории к практике	221
И.А.Жданова Журнал «Народоправство» о народоправстве в 1917 г.	235
Н.И.Канищева Центральное течение кадетской партии в эмиграции	251

В.П.Булдаков

Большевизм в интерьере российской многопартийности 286

В.Ю.Карнишин

Губернские власти Поволжья и структуры политических партий в условиях революционных потрясений 1905—1907 гг. 303

И.В.Нарский

Революция и судьба провинциальной многопартийности (Урал, 1917—1922) 322

Л.Г.Березовая

Пушкинианство русского интеллигента 342

В.В.Журавлев

Бескорыстие историка 359

А.П.Ненароков

Точки отсчета 369

Избранные труды В.В.Шелохаева 379

Краткие сведения об авторах 396